

Синтаксический способ выражения множественности в эрзянском языке

Е. Ф. Клементьева

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
klementeva.71@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Категория множественности в большинстве языков находит своё выражение на разных уровнях: лексическом, включая фразеологический, морфологическом. Также она может передаваться и синтаксическими образованиями, представляющими собой сочетание двух и более слов. В мордовских языках, в частности в эрзянском, уделялось внимание рассмотрению первых способов обозначения множественности, однако синтаксические средства не нашли должного освещения в лингвистической науке.

Актуальность темы обусловлена недостаточным изучением в эрзянском языке реализации множественности на синтаксическом уровне.

Цель: описание синтаксического способа выражения множественности и выявление средств, передающих данное значение в эрзянском языке.

Материалы исследования: синтаксические структуры, выделенные из словарей и художественных произведений эрзянских писателей К. Г. Абрамова, А. М. Доронина, Нуянь Видяза (Е. В. Четвергова), а также лексикографический и диалектный материал.

Результаты и научная новизна. В статье проведён анализ способов выражения синтаксической множественности. Выявлено, что в эрзянском языке данное значение может передаваться количественно-именными словосочетаниями, имеющими семантику конкретной множественности; субстантивными словосочетаниями, зависимым компонентом которых являются лексемы со значением неопределённой множественности. В языке широко распространены парные слова сочинительного типа, чаще всего имеющие в своём составе суффикс -т / -ть, а также редупликативные образования со значением собирательной или разделительной множественности. Множественность на синтаксическом уровне может передаваться и сочинительным рядом, состоящим из однородных членов предложения или простых предложений в составе сложного.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые даётся комплексный анализ синтаксических средств выражения множественности в эрзянском языке.

Ключевые слова: эрзянский язык, синтаксическая множественность, количественные словосочетания, сочинительный ряд, парные слова, редупликация

Для цитирования: Клементьева Е. Ф. Синтаксический способ выражения множественности в эрзянском языке // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 3 (62). С. 414–420.

Syntactic way of plurality expression in the Erzya language

E. F. Klementyeva

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
klementeva.71@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the category of plurality in most languages finds its expression at different levels: lexical, including phraseological, morphological. It can also be conveyed by syntactic formations that are a combination of two or more words. In the Mordovian languages, in particular in Erzya, attention was paid to the consideration of the first ways of denoting plurality, but syntactic means have not found proper coverage in linguistic science. The relevance of the topic is due to the insufficient study of the implementation of multiplicity at the syntactic level in the Erzya language.

Objective: description of the syntactic way of plurality expression and identification of the means that convey this meaning in the Erzya language.

Research materials: syntactic structures from the dictionaries and fiction works by the Erzya writers K. G. Abramov, A. M. Doronin, Nuyan Vidyaz (Ye. V. Chetvergov), lexicographic and dialectal materials.

Results and novelty of the research: the article analyzes the ways for expressing syntactic plurality. It has been found that in the Erzya language this meaning can be expressed by quantitative-noun word-combinations, which convey the semantics of concrete plurality. In addition, nominal word-combinations are used, the dependent component of which are lexemes with the meaning of indefinite plurality. Correlative words of the coordinative type are widespread in the language,

most often having in their composition the suffix *-t / -t'*, and reduplicative formations with the meaning of collective or disjunctive plurality. Plurality at the syntactic level can also be expressed by a coordinative constructions consisting of homogeneous parts of a sentence or simple sentences within a complex one.

The scientific novelty of the study consists in the fact that for the first time a comprehensive analysis of syntactic

Введение

Способы выражения семантики количества, а вместе с ним единичности, множественности, совокупности, собирательности очень часто являлись предметом изучения во многих языках. Данные явления рассматривались на разных уровнях языка: лексическом, морфологическом, синтаксическом, контекстуальном. Так, исследованию качественно-количественных единиц разных уровней в русском языке посвящена работа Л. А. Беловольской [2]. О. А. Дожиба на материале современного русского языка рассматривает лексико-грамматические повторы как средство выражения категорий количества и степени [3]. Способы выражения категории количества на разных языковых уровнях представлены в монографии Л. Д. Чесноковой [15]. Категории количества, собирательности, множественности являются предметом изучения и в работах других лингвистов.

В эрзянском языке теме исследования категорий количества и собирательности посвящены работы Е. Ю. Логиновой [9] и Е. Ф. Клементьевой [6]. Множественное число в эрзянском и финском языках в сопоставительном плане рассматривалось в диссертации И. В. Качкаловой, в которой затрагивался и синтаксический способ выражения множественного числа именем прилагательным [5].

Средства выражения собирательной множественности на синтаксическом уровне в диалектах эрзя-мордовского языка стали предметом изучения в трудах профессора Д. В. Цыганкина. По мнению учёного, подкатегория собирательности может быть выражена такими синтаксическими конструкциями: 1) образованиями, состоящими из двух знаменательных слов, одним из которых является слово *ne* в форме вносительного падежа. Отдельно слово *ne* означает 'конец, вершина', а в сочетании с другим именем существительным – совокупность предметов как неделимое целое, например:

means of expressing plurality in the Erzya language is given.

Key words: Erzya language, syntactic plurality, quantitative word combinations, coordinative series, paired words, reduplication

For citation: Klementyeva E. F. Syntactic way of plurality expression in the Erzya language // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2025; 15 (3/62): 414–420.

палц' пор'аткас' ве кудон'бес 'сгорела улица вплоть до одного дома'; 2) образованиями, состоящими из двух слов, первое из которых существительное с формантом множественного числа *-t* (*-ть*), а второе местоимение *mez'e*, также в форме множественного числа: *мамат-мес't' оро чувит' т'е латкос't'* 'мать твоя и другие с ней вон копают овраг тот'. К синтаксическим конструкциям исследователь относит также парные слова, в которых как особый аффикс собирательности выступает формант *-t*, и образования из двух слов, одним из которых является местоимение *mez'e*, присоединяемое к предыдущему существительному посредством союза *да*: *н'изай бабат да мез'е ин'д'жекс тусын'з'е* 'тёщу и других с ней в гости приведут' [14, 33–34].

Парные имена существительные, обозначающие собирательность, рассмотрены в работе Г. А. Натуральной и других исследователей [10, 155]. Сложные существительные сочинительного типа в эрзянском и венгерском языках были предметом исследования в работе Т. П. Арискиной [1]. Зарубежные исследователи также часто обращались к теме парных слов, отмечая древность этих образований [18; 19]. О древности парного словообразования в финно-угорских языках рассуждает и Н. Л. Шибасова. Базой для её исследования являются данные обско-угорских, пермских и волжских языков [16]. По мнению авторов монографии «Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков», парные слова, восходящие к финно-угорскому языку-основе, делятся на три разряда, в числе которых и парные сочетания объединяющего типа [12, 392–393].

Как одно из средств выражения множественности в эрзянском языке выделяются редупликативные слова, рассмотренные в работе Е. Ф. Клементьевой [7]. Автором также исследуются некоторые случаи передачи значения неопределённого количества, к числу

которых относятся синтаксические структуры, состоящие из двух существительных, одно из которых в переносном значении передаёт сему множественности [8].

Редупликация являлась предметом изучения и в трудах зарубежных лингвистов, к числу которых относятся работы О. Фишер [23], Ч. А. Кауфмана [21], Т. Швайгера [22], Д. Фокоша [24], М. Эрелта [20].

Способы обозначения множественности становились темой исследования и в других финно-угорских языках. Так, на аналитический способ выражения собирательности и совместности в нижнечепецком диалекте удмуртского языка указывает Л. Л. Карпова [4, 561]. Выявлению особенностей представления ассоциативной множественности в коми языке посвящена статья Г. А. Некрасовой. Опираясь на типологические исследования, автор утверждает, что значение ассоциативности может выражаться морфологически, аналитически и синтаксически [11, 226].

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили синтаксические образования, выявленные в текстах произведений эрзянских писателей К. Абрамова, А. Доронина, Нуянь Видяза (Е. В. Четвергова), а также в «Эрзянско-русском словаре» [17] и «Очерках мордовских диалектов» [13], что позволяет рассматривать их функционирование не только в литературном языке, но и в эрзянском диалектном ареале.

При освещении данного вопроса были использованы описательный метод, позволивший провести первичную классификацию синтаксических конструкций с семантикой множественности, а также метод структурно-семантического анализа.

Результаты

Ядром категории множественности следует считать числительные. Их употребление вне сочетания с именами существительными или другими словами, подлежащими счёту, необходимо рассматривать основной структурой, служащей для выражения абстрактной множественности. Связь числительного с существительным, называющим объект счёта, представляет уже конкретизацию множественности на начальном уровне. Следовательно, множественность передаётся таким синтаксическим образованием как количественное словосочетание.

Так, сочетание количественных числительных и существительных передаёт значение точного количества: *колмо ломанть* ‘три человека’, *кемень кудот* ‘десять домов’. *Вирьга яксезь кавто ялгатне натой стувтызь, зняроксть лиснесь ды валгонесь чизэ* [К. Абрамов] ‘Блуждая по лесу, двое друзей даже забыли, сколько раз выходило и заходило солнце’; *Колонгемен’ вейксэ л’ишме рамас’т’* ‘Тридцать девять лошадей они купили’ [11, 42].

Но структуры, имеющие в своём составе два последовательно идущих числительных, передают уже не точное, а приблизительное количество. *Обран содась икелев: весе раськень прявтнэ а пурнавить, сьтъкак, паряк, кавто-колмо раськень прявт* [К. Абрамов] ‘Обран знал наперёд: все предводители родов не соберутся, придут, может быть, предводители двух-трёх родов’.

Неточное, неопределённое количество предметов выражается следующими способами:

а) именами числительными, обозначающими большие числа, передающие идею неопределённого множества, в сочетании с существительным. Исходная семантика этих имён существительных уже содержит сему «множество». *Ловдо-эйде пештявтынзе (Арина Семёновна) мацтнэнь, косо кирдевсть тѣжа пондт скалой, чапамо ды салов сырат...* [А. Доронин] ‘Снегом-льдом заставила наполнить (Арина Семёновна) погреба, где хранились тысячи пудов сливочного масла, кислые и солёные сыры...’; *Сядо тевть монь* [14, 638] ‘У меня много (букв.: сто) дел’;

б) количественными словами с неопределённой количественной семантикой, в роли которых могут выступать количественные квантификаторы, например, *куця* ‘куча’, *лей* ‘река’, *иневедь* ‘море, океан’, также с именем существительным. Например: *Прок а ярмункас эрзясь понгсь – ломанень иневедьс...* [А. Доронин] ‘Как будто не на ярмарку эрзя попал – в людское море...’; *Кузницятнень икелеяк – ломанень лей* [А. Доронин] ‘И возле кузницы – река людей’. Такие слова уже не обозначают предмет – они оценивают количество объектов в множестве. В качестве маркера, сигнализирующего об их переходе в класс квантификаторов, выступает расширение лексической сочетаемости;

в) словосочетанием существительного с наречием *ламо* ‘много’: *Грузинский князесь,*

кона, лиятнень ладсо, эсь пежетензэ идемга явсь **ламо ярмакт**, сайсь мель ардомс лангозонзо (*церькованть*) *вариштамо* [А. Доронин] ‘Князь Грузинский, который, как и другие, для искупления своих грехов выделил много денег, захотел поехать взглянуть на неё (церковь)’; **Ламо пиретне, кардазтнэ теевсть азортомокс**, секскак тикшиесь полонинзе *уматнень ды мик китнень-янтнэнь* [Нуянь Видяз] ‘Много огородов, дворов стали бесхозными, поэтому трава заполонила участки и даже дороги-тропы’.

Идея множественности на синтаксическом уровне передаётся сочинительным рядом, представляющим собой однородные члены или сложные предложения. Перечисление предметов, явлений или действий выражает понятие определённой или неопределённой множественности. *Эрвань эсензэ молевксэзэ, кортавксозо, вановтозо, тюзозо, эрвань эсензэ орманзо, эсензэ эрямонь паксянзо, уцясказо* [Нуянь Видяз] ‘У каждого своя поступь, манера говорить, взгляд, лицо, у каждого свои болезни, свои жизненные поля, счастье’; *Эри лиясто те или тона ломанесь: ярсы, сими, ваяжоди, вечки, три-касты эйкакишт...* [Нуянь Видяз] ‘Живёт иногда тот или иной человек: ест, пьёт, работает, любит, воспитывает детей...’.

Также сочинительный ряд может раскрывать значение количественного слова или количественно-именного словосочетания. *Омбоце чистэ кавто ялгатне ливтизь ошонь орта ушов пурнавксост, кекишизь тусто куз алов – питерть, суманть, узереть* [К. Абрамов] ‘На второй день двое друзей вынесли за городские ворота собранное, спрятали под густой елью – сумки, зипуны, топоры’.

Часто авторы допускают редупликацию. В этом случае количество ассоциируется с интенсивностью. Счётный ряд представлен повторением наречия при однородных членах и частями бессоюзного сложного предложения: **Ветексть** *пачколесь Кузвелес, ветексть невтнине коронзо телесь, ветексть кшувавтнинизе сонзэ лембе вановтсонзо шалныця тундось* [Нуянь Видяз] ‘Пять раз доходила до Кузвеле (села Куз), пять раз показывала свой нрав зима, пять раз отпугивала её тёплым своим взглядом шумящая весна’.

Приёмы редупликации служат для выражения как разделительной, так и собирательной

множественности. Например: *Дошуз аватне ведрань-ведрань кандыть якстере ламбамо ярсамопельтнеде* [Нуянь Видяз] ‘Заботливые женщины ведрами несут вкусную красную еду’.

Семантика множества может передаваться сочетанием существительного в именительном или родительном падеже с послелогом *марто* ‘с’. В данном случае значение совместности, выражаемое послелогом, уходит на задний план, а основным становится значение множественности. В таких конструкциях может передаваться семантика определённой множественности, равная двум. Если же входящие в конструкцию существительные стоят в форме множественного числа, то значение множественности неопределённо. *Тундонь ушодомастонть велев тусть нист марто кавто цёратнеяк* – *сокамо, видеме, эмежесьн пудома* [К. Абрамов] ‘В начале весны в деревню поехали и двое сыновей с жёнами – пахать, сеять, сажать овощи’; *Лия сазтне тусть Ушмай мельга вирень кужов, косо Изяр эсь ломанензэ марто анокстась каванямопель* [К. Абрамов] ‘Другие приехавшие пошли за Ушмаем на лесную поляну, где Изяр со своими людьми готовил угощение’.

Семантически к ним близки парные сочетания сочинительного типа, включающие в свой состав два имени в форме множественного числа, передающие значение совместности. В качестве составляющих компонентов могут употребляться как имена собственные, так и термины родства. *Пет’ат-Иват тус’т* ‘Пётр и Иван ушли’ [11, 341]; *Омбоце валскестэнтъ раяняк Гарат-Вавилат кадызь эрямо пизэст ды явсть* [А. Доронин] ‘На следующее утро рано Гара с Вавилой оставили свои жилища и разошлись’; *Ават-тейтерть котьмить-калдордыть каштомикеле, анокстыть валскень-чинь ярсамо* [Нуянь Видяз] ‘Мать с дочерью копошатся-стучат перед печью, готовят еду на завтрак-обед’.

Парные слова сочинительного типа являются достаточно продуктивным способом выражения множественности на синтаксическом уровне. Данные конструкции широко представлены в эрзянском литературном языке и диалектах. Парные имена существительные типа *пенчть-вакант* ‘посуда’, *понкст-панарт* ‘бельё’, в эрзянском языке представляют относительно свободные сочетания двух имён

существительных, обозначающих, как правило, предметы или понятия одного порядка [4, 58].

Для парных слов характерно, что входящие в них лексемы обладают твёрдым порядком, обусловленным семантическими свойствами составляющих единиц. Типы парных слов различаются в зависимости от семантических отношений между компонентами. Так, они могут быть синонимами или антонимами по отношению к друг другу: *тетят-ават* 'родители' (*тетя* 'отец' и *ава* 'мать'), *алкст-прялкт* 'постельные принадлежности' [14, 44] (букв.: *алкс* 'низ' и *прялкс* 'изголовье'); они могут характеризоваться близостью значений и обозначать предметы или явления одного и того же семантического круга, но не иметь синонимических или антонимических отношений: *кишит-салт* 'хлеб-соль' [14, 321]; оба компонента выражают более обобщённое понятие, нежели каждый отдельно: *ойть-велькст* 'молочные продукты' [14, 435] (букв.: *ой* 'масло' и *велькс* 'сметана'). Кроме этого, в языке встречаются парные слова, один из компонентов которых не функционирует в современном языке: *нулат-валат* 'одежда, пожитки, скарб' [14, 421] от *нула* 'тряпка', *кудат-андат* 'поезжане' [14, 308] от *куда* 'сват'.

В эрзянском языке встречаются также парные слова, компоненты которых не обозначены суффиксом -т / -ть, но значение множественности в них сохраняется: *Содак, язычник: цёрат-не ойнав аволь ули-паронь пурнамо сыргсить – масторост идеме* [А. Доронин] 'Знай, язычник: мужчины на войну не за богатством идут – свою землю защищать'.

Обсуждение и заключение

Таким образом, категория множественности выступает одним из частных случаев выражения категории количества. На основании рассмотренного материала приходим к выводу, что в эрзянском языке синтаксический способ выражения множественности является таким же продуктивным, как морфологический и лексический. К числу наиболее распространённых средств синтаксиса относятся:

1) субстантивные словосочетания с количественным числительным в функции зависимого компонента: *колмо ломанть* 'три человека'. В этом случае обозначается конкретная количественная семантика; 2) субстантивные словосочетания, зависимым компонентом которых являются следующие друг за другом два числительных: *ниле-вете кудот* 'пять-шесть домов'. В таких конструкциях множественность имеет приблизительный характер; 3) словосочетания с главным словом существительным, а зависимый компонент представлен словами с неопределённой количественной семантикой, в роли которых выступают количественные квантификаторы, например, *куця* 'куча', *лей* 'река', *иневедь* 'море, океан'. Значение множественности в таких словосочетаниях имеет переносный характер; 4) словосочетания существительного с наречием *ламо* 'много', именами числительными, обозначающими большие числа. Синтаксические единицы такого характера передают семантику неопределённой множественности; 5) парные слова сочинительного типа, имеющие в своём составе два существительных в форме множественного числа и выражающие идею совместности или собирательности: *тетят-цёрат* 'отец с сыном', *пенчть-вакант* 'посуда'.

К менее продуктивным средствам, обозначающим множественность на синтаксическом уровне, относятся сочинительный ряд, представляющий однородные члены или сложные предложения, а также образования существительного в номинативе или генитиве с послелогами *марто* 'с'.

Категория множественности широко используется в разных функциональных стилях. Для литературного и разговорного характерно употребление большинства средств выражения этого значения. Рассмотрение не только синтаксического, но и других способов выражения множественности в разных функциональных стилях мы видим в качестве дальнейших перспектив нашего исследования.

Список источников и литературы

1. Арискина Т. П. Сложные существительные сочинительного типа в эрзянском и венгерском языках // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12. № 3. С. 230–241.
2. Беловольская Л. А. Категория недискретного количества и ее грамматический статус: на материале русского языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 1999. 41 с.

3. Добижа О. А. Лексико-грамматический повтор как средство выражения категорий количества и степени: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2001. 22 с.
4. Карпова Л. Л. Модификации в системе числительных нижнечепецкого диалекта удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16. № 4. С. 556–566.
5. Качкалова И. В. Множественное число в эрзянском и финском языках: категория имени: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2007. 18 с.
6. Клементьева Е. Ф. Категория собирательности в эрзянском языке: учеб. пособие. Саранск: Красный Октябрь, 2004. 79 с.
7. Клементьева Е. Ф. О некоторых типах редуPLICATION в эрзянском языке // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 2 (53). С. 217–224.
8. Клементьева Е. Ф. Способы выражения неопределённого количества в эрзянском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 11. С. 3976–3981.
9. Логинова Е. Ю. Способы выражения категории количества в эрзянском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2001. 24 с.
10. Натуральнова Г. А. Особенности словотворчества в языке региональных СМИ / Г. А. Натуральнова, О. И. Налдеева, Е. И. Азыркина, С. Н. Маскаева, М. И. Савостькина // Гуманитарные науки и образование. 2024. Т. 15. № 4. С. 153–159.
11. Некрасова Г. А. Ассоциативная множественность в коми языке // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 2 (53). С. 225–233.
12. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 480 с.
13. Очерки мордовских диалектов / ред. М. Н. Коляденков, О. И. Чудаева. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. Т. I. 396 с.
14. Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1977. 104 с.
15. Чеснокова Л. Д. Категория количества и способы её выражения в современном русском языке. Таганрог: Таганрогский гос. пед. ин-т, 1992. 178 с.
16. Шибасова Н. Л. К вопросу о древности парного словообразования в финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования. 2011. № 5. С. 89–109.
17. Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. М.: Рус. Яз., Дигора, 1993. 803 с.
18. Bátori I. Wortzusammensetzung und Stammformverbindung im Syrjänischen (mit Berücksichtigung des Wotjakischen). Wiesbaden: Harrassowitz, 1969. 169 с.
19. Hajdu P. Bevezetes az urali nyelvtudományba. Budapest: Tankönyvkiadó, 1966. 179 с.
20. Erelt M. Intensifying Reduplication in Estonian // *Linguistica Uralica*. 2008. Vol. 44. № 4. Pp. 268–277.
21. Kauffman C. A. Reduplication Reflects Uniqueness and Innovation in Language, Thought and Culture. 2018 URL: <http://www.omniglot.com/language/articles/reduplication.htm> (дата обращения: 14.03.2020).
22. Schwaiger T. The derivational nature of reduplication: towards a functional discourse grammar account of a non-concatenative morphological process // *Word Structure*. 2018. Vol. 11, Issue 1. Pp. 118–144.
23. Fischer O. Cognitive iconic grounding of reduplication in language // *Semblance and Signification* / P. Michelucci, O. Fischer, C. Ljungberg [eds.]. Amsterdam: Benjamins, 2011. Pp. 55–81.
24. Fokos D. Die etymologischen Figuren der finnisch-ugrischen Sprachen // *Ungarische Jahrbücher*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co., 1932. Pp. 70–89.

References

1. Ariskina T. P. *Slozhnye sushchestvitel'nye sochinitel'nogo tipa v erzyanskom i vengerskom yazykah* [Compound nouns of the coordinative type in the Erzya and Hungarian languages]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2020, no. 12 (3), pp. 230–241. (In Russian)
2. Belovolskaya L. A. *Kategoriya nediskretnogo kolichestva i eyo grammaticeskij status: na materiale russkogo yazyka* [The category of non-discrete quantity and its grammatical status: based on the material of the Russian language]. Krasnodar, 1999. 41 p. (In Russian)
3. Dobizha O. A. *Leksiko-grammaticeskij povtor kak sredstvo vyrazheniya kategorij kolichestva i stepeni* [Lexical and grammatical repetition as a means of expressing categories of quantity and degree]. Taganrog, 2001. 22 p. (In Russian)
4. Karpova L. I. *Modifikatsii v sisteme chislitel'nykh nizhnechepetskogo dialekta udmurtskogo yazyka* [Modification in the systems of numerals in the Low Chepts dialect of the Udmurt language]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Year Book of Finno-Ugric Studies], 2022, no. 16 (4), pp. 556–566. (In Russian)
5. Kachkalova I. V. *Mnozhestvennoe chislo v ehrzyanskom i finskom yazykakh: kategoriya imeni* [The plural in the Erzya and Finnish languages: the category of the name]. Saransk, 2007. 18 p. (In Russian)

6. Klementyeva E. F. *Kategoriya sobiratel'nosti v erzyanskom yazyke: ucheb. posobie* [The category of collectivity in the Erzya language: textbook]. Saransk: Krasny Oktyabr Publ., 2004. 79 p. (In Russian)
7. Klementyeva E. F. *O nekotorykh tipakh reduplikatsij v ehrzyanskom yazyke* [About some types of reduplication in the Erzya language]. *Vestnik Ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (2/53), pp. 217–224. (In Russian)
8. Klementyeva E. F. *Sposoby vyrazheniya neopredelyonnogo kolichestva v ehrzyanskom yazyke* [Ways of expressing indefinite quantity in the Erzya language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2024, no. 17 (11), pp. 3976–3981. (In Russian)
9. Loginova E. Yu. *Sposoby vyrazheniya kategorii kolichestva v ehrzyanskom yazyke* [Ways of expressing the category of quantity in the Erzya language]. Saransk, 2001. 24 p. (In Russian)
10. Naturalnova G. A., Naldeeva O. I., Azyrkina E. I., Maskaeva S. N., Savostkina M. I. *Osobennosti slovotvorchestva v yazyke regional'nykh SMI* [Features of word formation in the language of regional media]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [Humanities and Education], 2024, no. 15 (4), pp. 153–159. (In Russian)
11. Nekrasova G. A. *Assotsiativnaya mnozhestvennost' v komi yazyke* [Associative plurality in the Komi language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (2/53), pp. 225–233. (In Russian)
12. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija. Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskih yazykov* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Issues of the origin and development of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 480 p. (In Russian)
13. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays on the Mordovian dialects]. Ed. M. N. Kolyadenkov, O. I. Chudaeva. Saransk: Mordovskoe kn. izd-vo Publ., 1961. Vol. I. 396 p. (In Russian)
14. Tsygankin D. V. *Grammatical categories of the noun in dialects of the Erzya-Mordovian language* [Grammatical categories of the noun in dialects of the Erzya-Mordovian language]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 1977. 104 p. (In Russian)
15. Chesnokova L. D. *Kategoriya kolichestva i sposoby eyo vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke* [The category of quantity and the ways of its expression in modern Russian]. Taganrog: Taganrogskij gosugarstvennyj pedagogicheskij institut Publ., 1992. 178 p. (In Russian)
16. Shibasova N. L. *K voprosu o drevnosti parnogo slovoobrazovaniya v finno-ugorskih yazykakh* [To the question of the antiquity of paired word formation in the Finno-Ugric languages]. *Uralo-altajskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 2011, no. 5, pp. 89–109. (In Russian)
17. *Erzyansko-russky slovar'* [Erzya-Russian dictionary]. Ed. B. A. Serebrennikov, R. N. Buzakova, M. V. Mosin. Moscow: Rus. yaz., Digora Publ., 1993. 803 p. (In Russian)
18. Batori I. *Wortzusammensetzung und Stammformverbindung im Syrjanischen (mit Berücksichtigung des Wotjakischen)*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1969. 169 p. (In German)
19. Hajdu P. *Bevezetes az urali nyelvtudomanyba*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1966. 179 p. (In Hungarian)
20. Erelt M. Intensifying Reduplication in Estonian. *Linguistica Uralica*, 2008, no. 44 (4), pp. 268–277. (In English)
21. Kauffman C. A. *Reduplication Reflects Uniqueness and Innovation in Language, Thought and Culture*. 2018. Available at: <http://www.omniglot.com/language/articles/reduplication.htm> (accessed March 14, 2020). (In English)
22. Schwaiger T. The derivational nature of reduplication: towards a functional discourse grammar account of a non-concatenative morphological process. *Word Structure*, 2018, no. 11 (1), pp. 118–144. (In English)
23. Fischer O. Cognitive iconic grounding of reduplication in language. *Semblance and Signification*. P. Michelucci, O. Fischer, C. Ljungberg [eds.]. Amsterdam: Benjamins, 2011. Pp. 55–81. (In English)
24. Fokos D. Die etymologischen Figuren der finnisch-ugrischen Sprachen. *Ungarische Jahrbücher*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co., 1932. Pp. 70–89. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Клементьева Елена Филипповна, доцент кафедры мордовских языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), кандидат филологических наук.

klementeva.71@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0606-7110

ABOUT THE AUTHOR

Klementyeva Elena Filippovna, Associate Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Ogarev Mordovian State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68), Candidate of Philological Sciences.

klementeva.71@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0606-7110